

К счастью, охрана подросла вовремя. Обошлось без серьезных последствий, и буйного управляющего Яна быстро вывели из больницы.

Растрепанный, с ноющей от боли рукой, Ян никак не мог взять в толк, почему простая попытка вернуть Цзян Тинчжоу обернулась таким кошмаром. Его долго расспрашивали; истощенные крики об адвокате ни к чему не привели. Охранники, повидавшие на своем веку немало подобных скандалистов, и бровью не повели.

В конце концов за ним приехали сотрудники из ресторана. Они оплатили нанесенный больнице ущерб и после долгих уговоров кое-как уладили дело. Под тяжелыми, осуждающими взглядами свидетелей Ян покинул здание — подавленный и окончательно опозоренный.

Узнав о благополучном исходе дела, Цзян Тинчжоу мысленно вздохнул с облегчением. По крайней мере, какое-то время его никто не побеспокоит.

Прикидываться несчастной жертвой при первой же угрозе он научился у Цзян Ю. Сейчас, когда сил не оставалось даже на то, чтобы толком пошевелиться, вступать в споры или драки было глупо. И эта уловка пришлась как нельзя кстати.

Раньше Тинчжоу презирал подобные дешевые приемы, но сейчас ему было плевать. Главное — результат.

Как только незваный гость убрался восвояси, Тинчжоу помогли пересест на кровать. Любопытные зеваки, снимавшие потасовку на телефоны, быстро разошлись, а медсестры убрали осколки разбитой чашки.

Жаль только фрукты: они раскатились по полу и испачкались. А ведь он успел съесть всего пару долек.

Парень, который так вовремя бросился ему на выручку — с виду обычный старшеклассник, — умудрился порезаться осколками фарфора. Рана оказалась пустяковой, и кровь быстро остановилась.

Охрана поинтересовалась, не хочет ли он заявить в полицию. Парень резонно рассудил, что из-за крошечной царапины связываться с полицией бессмысленно, да и таскаться по отделениям ради протокола ему не хотелось. Он упрямо желал остаться рядом с Тинчжоу.

Медсестра звала его обработать порез, но он наотрез отказался. Сев на край постели, он позволил лишь наложить простую повязку и замер, словно опасаясь, что нападавшие могут вернуться в любую секунду.

Цзян Тинчжоу пристально разглядывал его некоторое время, а затем негромко произнес:

— Хватит упрямиться. Порез хоть и мелкий, а заразу занести можно. Иди обработай как следует.

Парень, который всего минуту назад защищал его не щадя собственной жизни, в ответ лишь огрызнулся:

— Тинчжоу, тебе что, больше всех надо? На себя посмотри! В своей семейке ты на птичьих правах, об тебя ноги вытирают, а тут разболелся — и хоть бы одна живая душа пришла!

— Ань Сяопин, мы сто лет не виделись. Обязательно сразу начинать со злости? — тихо вздохнул Тинчжоу.

Он действительно слишком долго не видел этого упрянца.

И только сейчас, глядя на знакомое лицо, Тинчжоу вдруг осознал: в его жизни, помимо бесконечной череды деловых партнеров и конкурентов, когда-то существовала настоящая, бескорыстная дружба.

Его старый друг Ань Сяопин обзавелся ярко-рыжей шевелюрой — точь-в-точь как те мандарины, что лежали на тумбочке. Этот цвет поразительно шел парню, наполняя его образ бунтарской энергией. С его бледной кожей такое смелое решение выглядело броско и эффектно. Услышав свое имя, Сяопин сердито зыркнул на друга, демонстративно фыркнул и, подхватив пакет с мусором, вышел вон, оставив Тинчжоу созерцать свою гордую прямую спину.

Резкий тон друга ничуть не обидел Тинчжоу — наоборот, на душе потеплело. Немного подкрепившись, он почувствовал, как возвращаются силы. Больше не хотелось лежать безвольной тряпкой, и он, оперевшись руками в матрас, сел поудобнее.

Пожилая соседка по палате, наблюдавшая за этой сценой, сочувственно покачала головой:

— Ох и сердитый у тебя товарищ.

— Вовсе нет, — ответил Тинчжоу, и на его губах впервые за день появилась слабая, теплая улыбка. — Раньше он был совсем другим. В детстве — послушным и тихим.

Да что там послушным — трусоватым он был, если честно.

Ань Сяопин был его единственным настоящим другом детства. Он на три года младше Тинчжоу — сейчас ему едва исполнилось девятнадцать. К слову, заметный шрам на лице Тинчжоу, оставшийся со времен его возвращения в семью Цзян, появился именно из-за него.

В те годы местная банда старшеклассников повадилась вымогать карманные деньги у школьников. Трясли всех подряд, не брезгуя даже малышней из начальных классов. Однажды Тинчжоу наткнулся на них, не выдержал, закатал рукава и всыпал наглецам по первое число. После той знатной трепки хулиганы притихли и дорогу к школе забыли.

Сяопин оказался в числе тех, кого Тинчжоу тогда защитил. С тех пор мальчишка хвостиком ходил за своим спасителем, ничуть его не боясь, и ласково звал старшим братом.

После той драки шпана из окрестных школ заочно окрестила Тинчжоу своим главарем. Сам он, впрочем, этот сомнительный титул никогда не признавал — у него хватало забот с подработками, чтобы еще в дворовых авторитетах ходить. Единственным, кого он действительно подпустил к себе, остался этот наивный, немного нескладный паренек.

Но как Сяопин узнал, где он?

Ответ лежал на поверхности: стоило поблагодарить сердобольную соседку по палате.

Когда Тинчжоу привезли без сознания, женщина резонно рассудила, что оставлять больного без присмотра нельзя — нужно разыскать хоть кого-то из близких. Решив довести доброе дело до конца, она уговорила медсестер приложить палец юноши к сканеру заблокированного телефона и набрала самый первый номер в списке контактов.

Имя Ань Сяопина из-за алфавита оказалось в самом верху. После окончания школы он поступил в университет в Шаньине — столице провинции Дунцзян, расположенной по соседству с Юнцзином. Едва услышав о случившемся, парень бросил все дела и помчался на вокзал.

— Посреди ночи примчался, бледный как смерть, — заговорщицки прошептала женщина. — Ворчит, конечно, знатно, но парень золотой, так за тебя переживал. Не ссорьтесь вы, дело ли это?

Эти слова искренне удивили Тинчжоу.

Последние пару лет их дружба трещала по швам. Прежняя детская легкость испарилась, уступив место недопониманию и глухим обидам — его колючий тон говорил сам за себя.

В последний раз они виделись на Новый год. Казалось бы, семейный праздник, редкая возможность спокойно посидеть, но они ухитрились разругаться в пух и прах, едва успев поздороваться. Сяопин тогда в сердцах обозвал поместье Цзян волчьим логовом и умолял друга бежать оттуда. Тинчжоу же, ослепленный желанием доказать семье свою состоятельность, упрямо отказался. В итоге они разошлись, затаив обиду, и до сих пор толком не общались.

А виной всему, как обычно, был Цзян Ю.

Когда Тинчжоу только вернулся к биологическим родителям, Сяопин искренне радовался за него. Ровно до того злополучного дня, когда его пригласили на совместный день рождения братьев.

Цзян Ю и Тинчжоу родились в один день, поэтому торжество устроили общее, с невиданным размахом. У Цзян Ю гостей было не счесть, тогда как к Тинчжоу пришел один-единственный человек — Сяопин. Мальчик очень старался соответствовать высокому обществу, надел свой лучший костюм, но прямо у входа столкнулся с компанией золотой молодежи, которую привел его названный брат.

То ли по роковой случайности, то ли из-за чьей-то злой шутки наряд Сяопина оказался точной копией пиджака одного из гостей. Вот только у того был дорогой оригинал, а у Сяопина — дешевая подделка с рынка.

Сяопин в то время был неуклюжим, полноватым подростком. В роскошном зале он чувствовал себя не в своей тарелке, выглядел нелепо и комично. Рядом с холеными, безупречно одетыми приятелями Цзян Ю он казался пришельцем из другого, бедного мира.

Избалованные мажоры быстро нашли себе мишень для издевательств. К концу вечера Сяопин стоял весь в креме от торта, с перепачканными волосами. Тинчжоу ничем не мог ему помочь — его самого весь вечер тонко, но ядовито унижали родственники и гости. Сяопин, хоть и был простодушным, все понял. Посреди праздника он молча вытер слезы и ушел.

И подобное повторялось из раза в раз. Приходя в гости, Сяопин раз за разом заставлял друга в унижительном положении изгоя.

Как верный друг он умолял Тинчжоу бросить эту семейку, где его ни в грош не ставили, и вернуться к прежней, скромной, но спокойной жизни. Но у самого Сяопина не было веса, и в итоге он лишь сам подставлялся под удары компании Цзян Ю.

Тинчжоу понимал, что парень страдает из-за него. Он пытался защитить друга, но сам едва держался на ногах в этом доме, и каждая попытка заступиться лишь усугубляла положение. В конце концов, потеряв самообладание, Тинчжоу сломал Цзян Ю нос, из-за чего они с Сяопином загремели в полицию на несколько суток.

Разразился страшный скандал, и Тинчжоу вынудили забрать документы из школы.

Сяопин пытался протестовать, обивал пороги администрации, но кто станет слушать обычного подростка? Смириться с тем, что лучший друг из-за него лишился будущего и бросил учебу, он так и не смог. Именно тогда между ними пролегла первая трещина.

Позже, когда Тинчжоу возглавил кухню в «Императорском пире» и попытался восстановить общение, Сяопин упорно отклонял приглашения. Он избегал встреч, а редкие свидания неизменно заканчивались взаимными упреками.

Сяопин вернулся быстро. Оказывается, он уходил не только выбросить мусор, но и оформить разрешение на уход за больным. Он поставил на тумбочку купленный завтрак. Аккуратно нарезанные фрукты, которые раскидала охрана, тоже были его рук делом.

— Я же тебе сто раз говорил! — сердито ворчал Сяопин, едва заведя бледное лицо друга. — Твои жертвы ради этой семейки даром никому не сдались. Докатился до реанимации, а мне ни слова!

Впрочем, его колючие слова расходились с действиями. Заметив, что у Тинчжоу пересохли губы, он бережно поднес к его рту стакан с водой. Движения его были на удивление аккуратными и мягкими — он явно боялся, что больной поперхнется.

Сделав несколько глотков, Тинчжоу поднял на него глаза.

Встретить вновь этого живого, полного юношеского задора Сяопина — пожалуй, лучшее, что случилось с ним после нелепого перерождения. И даже ворчание друга сейчас казалось Тинчжоу сладкой музыкой. На душе стало непривычно легко.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Сяопин буркнул:

— Чего уставился?

— Любуюсь, — честно признался Тинчжоу. — Тебе действительно идет этот цвет.

Он слабо приподнял руку и коснулся ярких прядей. После окрашивания волосы стали жесткими, потеряв былую детскую мягкость.

За последние годы Сяопин сильно вытянулся и похудел. Из неуклюжего пухляка, над которым издевались дружки Цзян Ю, он превратился в стройного, подтянутого юношу. Черты его лица заострились, приобретя особую, утонченную выразительность, да и от прежней робкой зажатости не осталось и следа.

Поступив в университет, он случайно попал в объектив уличного фотографа, снимок разлетелся по сети, и теперь Сяопин успешно вел свой блог, став довольно популярным бьюти-инфлюенсером. Он и вправду был чертовски хорош собой.

Сяопин онемел от неожиданности. Он с подозрением уставился на друга, а затем приложил ладонь к его лбу, искренне полагая, что у того от жара помутился рассудок, раз он вдруг рассыпался в комплиментах.

В прошлой жизни Тинчжоу не одобрял увлечение друга соцсетями, считая это глупостью, и ворчал, что тот покатился по наклонной. Они часто спорили из-за резких перемен в характере Сяопина и в конце концов окончательно отдалились друг от друга.

— Да в порядке я, — Тинчжоу слабо отвел его руку. — И голова соображает отлично. Ты ведь проделал такой путь не для того, чтобы отчитывать несчастного больного?

Сяопин недовольно буркнул что-то под нос и замолчал. Он умел больно жалить словами, но в глубине души оставался все тем же преданным и заботливым мальчишкой.

Сгребя остатки уцелевших яблок и груш, Сяопин быстро их почистил и порезал на аккуратные дольки. Затем открыл контейнер с теплой рисовой кашей, которую принес с улицы, и, проигнорировав попытку Тинчжоу забрать ложку, принялся кормить его сам.

Тинчжоу чувствовал себя неловко. Он давно привык со всем справляться в одиночку, и подобная забота казалась ему чем-то давно забытым. Но Сяопину было плевать на его смущение. Заметив, что друг медлит, он грозно свел брови:

— Рот открывай давай. Живее.

Тинчжоу послушно проглотил ложку каши. Простая рисовая похлебка была почти безвкусной, но приятно согревала изнутри, оставляя едва уловимое сладковатое послевкусие.

В прошлой жизни каждый, кто оказывался рядом с Тинчжоу, так или иначе становился жертвой его бесконечной войны с Цзян Ю. Сяопин не стал исключением. Увы, у тех, кто выбирал сторону Цзян Тинчжоу, судьба складывалась трагически.

Спустя годы, когда их противостояние достигло пика, обезумевшие фанаты Цзян Ю начали травить Тинчжоу в сети. Сяопин попытался заступиться за друга, выложив опровержение, но в итоге сам попал под удар безжалостной интернет-толпы. Хейтеры раскопали его старые подростковые снимки, обвинили в повальном увлечении фотошопом и, перевернув все с ног на голову, объявили, будто в школьные годы они с Тинчжоу жестоко издевались над одноклассниками.

Подписчики, любившие его лишь за красивое лицо, быстро отвернулись. У мелкого блогера без связей и продюсеров не было шансов оправдаться. Его затравили до такой степени, что ему пришлось удалить все аккаунты. И хотя позже правда всплыла наружу, Сяопин так и не оправился от этого удара.

Его коллеги по цеху сумели раскрутиться и заработать миллионы, а он остался на обочине жизни. Из-за жестокой травли парень замкнулся в себе, его характер испортился, и он еще долго не мог вернуться к нормальной, спокойной жизни.

Сяопин заслуживал совсем другой судьбы. И даже когда Тинчжоу позже сумел отомстить врагам, это не могло исцелить израненную душу друга. В конце концов Ань Сяопин собрал вещи и уехал на другой конец страны. Перед отъездом он тихо сказал:

— Я не виню тебя, Тинчжоу. Просто я слишком слаб для всего этого. Мне нужно уехать, чтобы не быть для тебя обузой.

Как будто это было неизбежным проклятием для каждого, кто смел встать на пути у «главного героя» этой истории. Даже если этот человек не сделал ничего дурного.

Став успешным предпринимателем, Тинчжоу виртуозно лавировал в деловых кругах, обзавелся сотнями полезных связей, но за каждым рукопожатием крылся холодный расчет. А тот единственный, искренний друг детства остался далеко в прошлом. На пути к вершине Тинчжоу лишился многого, но ни о чем не жалел так горько, как об утраченной дружбе. Это была его самая большая, неискупимая вина.

«Уж лучше бы небеса подарили перерождение Сяопину, — с горечью подумал Тинчжоу. — Глядишь, держался бы подальше от такого несчастья, как я»

Эта мысль заставила его встряхнуться. По крайней мере, теперь у него появился весомый повод жить дальше.

— Тебе нужно обработать руку, — мягко произнес Тинчжоу. — Прости. Мне следовало поймать тебя, когда ты падал.

Голос его звучал хрипло, но так тепло и ласково, что Сяопин невольно вздрогнул. Тинчжоу вел себя на редкость странно. А в его взгляде читалась... какая-то отеческая нежность? Что с ним стряслось? Неужели температура совсем мозги расплавил?

Спорить с таким Тинчжоу было невозможно. Напряжение растаяло само собой. Сяопин смущенно шмыгнул носом и буркнул уже гораздо тише:

— Да сдались тебе эти царапины. Завтра все затянется. К тому же я в долгу не остался. Пока никто не видел, знатно пнул этого борова под коленку. Зуб даю, у него там теперь огромный синяк будет.

В его голосе зазвучали горделивые нотки. Он с довольным видом протянул Тинчжоу очередную ложку каши. Между ними наконец воцарилось долгожданное согласие.

В этот момент сидевшая у соседней койки девушка — дочь той самой общительной женщины, оказавшаяся репортером, — оторвалась от своего смартфона. Она еще раз пересмотрела записанное видео, перевела взгляд на Тинчжоу и восторженно воскликнула:

— Точно! Я наконец вспомнила, где вас видела! Вы ведь тот самый шеф-повар из Юнцина, который недавно победил в Национальном кулинарном конкурсе на Центральном телевидении Китая! А я-то голову ломаю, почему ваше лицо мне так знакомо. Поверить не могу... Вы же признанный мастер, победитель такого уровня! Как эти ресторанные дельцы посмели так с

вами обойтись?

<http://bllate.org/book/19956/1995090>